

Марина Майорова
(монахиня Иоанна)

Меня зовут

Повесть

Марина Ильинична Майорова

Тень Евки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54071879

Тень Евки. Повесть. Майорова М.И. (монахиня Иоанна): Зёрна-Слово;

Рязань; 2018

ISBN 978-5-6041175-4-5

Аннотация

Пронзительная повесть Марины Майоровой (монахини Иоанны) посвящена болезненной и актуальной в наше время проблеме. Эта повесть о любви и ненависти, до которой, как известно, один шаг. Она о той тонкой грани, когда любовь – материнская, супружеская – перестаёт быть созидательной силой и приводит к страшному результату.

Однако финал повести нельзя назвать трагическим. Автор, следуя традиции отечественной литературы, показывает путь из тупика, из которого, казалось бы, выход невозможен.

Содержание

Часть первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

42

**Марина
Майорова (монахиня
Иоанна)
Тень Евки**

Допущено к распространению Издательским советом Рус-
ской Православной Церкви
(ИСП18-806-0210)

© ООО «Зёрна-Слово», 2018

© Майорова М. И. (монахиня Иоанна), 2018

Часть первая

Андрей Мерикулов шёл, чуть размахивая руками. Мама обязательно бы сделала замечание: это несолидно, люди с такой походкой не внушают серьёзного доверия – и прочее. Но мамы рядом не было, и шёл он не по Москве, а по просёлочной дорожке в Жаворонках. И, главное, ощущал в себе переполняющую радость и чувство полной свободы. Его только что зачислили в аспирантуру, и мама даже забыла свой обычный, суховато-сдержанный тон, обнимала его, целовала и даже назвала мальчишечкой – самым редко произносимым ласковым словом. «Ты у меня всё-таки замечательный мальчишечка! Умный, настойчивый, весь в меня, не в своего безалаберного папашу».

«Папаша» был воспитательным объектом номер один: не захотел учиться, не приобрёл хоть сколько-нибудь престижной профессии. Вечно ковыряется в машинах и весь пропах бензином и смазочным маслом. Видеться с ним категорически не разрешалось. Даже от алиментов Александра Петровна в своё время гордо отказалась, когда после длительных пьянок, чередующихся с покаянной тоской, отец вдруг резко исчез. А потом оказалось, что он сошёлся с Катюшей, на которой после развода женился, с благословения которой занялся своей любимой работой, бросил пить и родил с ней троих ребят.

Всё это Андрей знал не столько от матери, сколько от самого отца. Дело в том, что, несмотря на запреты Александры Петровны, он редко, но регулярно виделся с ним, бывал у него дома, знал и Катюшу, и своих сводных братьев. Там была своя жизнь, и она казалась Андрею чем-то несбыточно-заманчивым: тёплая, спокойная, настоящая семейная жизнь.

Александра Петровна ничего об этом, конечно, не знала. И узнала только после исчезновения Андрюши, когда в отчаянии, смилив свою гордыню, она заявила в дом бывшего мужа. Там ей открылось многое, но где теперь Андрей, ей так и не сказали, хоть она и почувствовала, что они кое-что об этом знают...

Знал об этих Андрюшиных посещениях только один человек, но абсолютно верный и надёжный – тётка Тайса, сестра Александры Петровны. И когда отец подкидывал Андрюше денег от своих приличных заработков, маме всегда говорилось, что «это Тайса дала». Тайса была известный в Москве хирург-гениколог, жила одна, зарабатывала неплохо, и всё выглядело вполне правдоподобным.

Вчера Андрей побывал у отца, поделился с ним своей радостью и получил от него замечательный по объёму «бонус». «Аспирантуру необходимо обмыть, а то не потянешь», – справедливо заметил отец, протягивая сыну несколько красивых бумажек.

И теперь Андрюша шёл по просёлочной дорожке, полный самых радужных предвкушений, так как из-под маминого

неусыпного контроля он освободился на целых пять дней! Всё, что он привёз, они с Генкой выпили и съели за три дня, и теперь Генка откомандировал его за новой «загрузкой».

...Генка Курихин по кличке «Курихман» был его старым другом ещё со школьных лет. Он был единственным человеком из Андриюшиных сверстников, с которым, во-первых, было очень легко, а во-вторых, что не менее важно, он был вполне одобрен Александрой Петровной. Генка был телевидением, оператором на одной из студий, и это подкупало Андриюшину маму (в её далёких, но не беспочвенных предвидениях о будущей возможной известности сына). Из этих тайных соображений дружба с Генкой приветствовалась, хоть стиль одежды и некоторая развинченность манер последнего слегка шокировали Александру Петровну. Но она понимала, что к людям искусства нужно подходить с другими мерками...

– Сходи-ка ты, Андриюх, к воинской части. Там вчера был завоз, а у нас, на платформе, какая-то сомнительная дрянь продаётся, недостойная таких замечательных мужчин, как мы с тобой.

– Где это? – спросил Андрей. – Я и не знал, что у вас воинская часть есть.

– Была. В общем, перейдёшь через линию – и дуй по дороге, сама приведёт. А хочешь-через поле. Тоже по тропке, не заблудишься.

Андрей взял сумку и «подул». То, что раньше было полем,

теперь представляло собой необузданную, буйную поросль всего, что смогло укорениться в нём: редких колосьев овса, уже давно тут не сеянного, ромашки, василька, каких-то бурых метёлок с малиновыми цветочками и всякой прочей травы.

Андрей шёл, приятно обременённый покупками, среди которых были неведомо как залетевшая сюда бутылка «Ара-рата» в фирменной коробке и с детства любимые им сардины в продолговатой баночке. «Ничего себе, магазинчик!» – подумал Андрей и невольно замедлил ход, потому что к дороге из полевых цветочных зарослей двигалось что-то несусветное: человеческая фигура, увенчанная чем-то вроде индейского боевого убора, колышущегося разноцветной короной. Фигура приближалась, и Андрей увидел, что это девчонка. На ней был малиновый, в белый горошек, сарафанчик, а на голове красовался фантастический венок, сплетённый из всего, что росло в этом бывшем поле. Основу составляли ромашки, а в них вплелись васильки, лютики, малиновые метёлки и даже колоски самых разных трав. Всё это колыhalось, танцевало при каждом движении девчонки, которая шла, беззаботно припрыгивая: так ходят зелёные перво-квашки-третьеквашки, безотчётно радующиеся жизни. При этом девчонка ещё что-то напевала себе под нос тоненьким, очень высоким голосом...

Андрей невольно остановился, и девчонка, увидев его, тоже застыла. Потом вдруг, издав радостно воинственный

клич, она бросилась к нему, раздвигая тонкими руками тор-
мозящие её бег травы.

– Андрюша! Ты как тут? Откуда? – закричала она изум-
лённо, и её желтовато-карие глаза расширились и стали по-
чти квадратными. Андрей промычал что-то несвязное и про-
должал смотреть на неё оторопело. Он явно её не знал, а она
обращалась к нему, как к старому приятелю.

– Ты что, не узнаёшь меня? – догадалась девчонка.

– Да, то есть – нет! – совсем запутался Андрей.

– Да мы ж с тобой соседи! Я – в 44-м, а ты – в 46-м! – и
она засмеялась.

– Да? – только и мог выдавить Андрей, во все глаза раз-
глядывая это чудо.

– Да ты даже у нас дома был однажды! – и она ещё веселей
засмеялась, глядя на его сконфуженное лицо. – А чего ты в
Жаворонках делаешь?

– Я к другу приехал, – ответил Андрей, радуясь, что раз-
говор перешёл в более непринуждённую форму.

– А где он живёт – друг твой?

– На второй Советской.

– Надо же! – удивилась девчонка. – И я туда иду. Вот хорошо! – и она опять засмеялась. А Андрей почему-то обрадовался. Он никогда не мог общаться с девушками свободно и всегда завидовал однокурсникам, у которых явно не было с этим никаких проблем.

А эта девчонка так просто, так радостно с ним заговорила, что вся его робость мгновенно улетучилась. Они пошли, болтая ни о чём, и Андрей потихоньку её разглядывал. Она была высокая, почти вровень с ним, но лёгкая, как пёрышко. Вся какая-то узенькая, продолговатая, но при этом не тощая и даже не худая. Всё удлинённое в ней было как-то округло: руки, ноги и даже длинная шейка – всё продолговато круглилось. Чем-то она напомнила ему ботти-челлиевскую Венеру, выходящую из морской пены: тот же наивный взгляд, те же рыжеватобелокурые длинные пряди волос, падающие вдоль шеи на плечи. И вышла к нему эта девчонка из бушующей пены летних цветов...

Девчонка вдруг начала опять смеяться. И чем дальше они шли, тем веселей она смеялась.

– Чего ты? – чуть обиженно спросил Андрей. Он вдруг подумал, что не так что-то сказал или...

– Ничего! – сквозь смех проговорила его чудная спутница. А когда он свернул на тропинку, ведущую к Генкиному дому, она просто закатилась от хохота. «Дурочка какая-то», – подумал Андрей.

– Ты... ты знаешь, к кому идёшь? – еле проговорила она сквозь приступ столь заразительного смеха, что Андрей сам стал невольно хмыкать и похохатывать, хотя ничего смешного во всём этом не видел.

– К моему бра-ату, – простонала сквозь смех девчонка. Андрей опешил. Из калитки вышел Генка и тоже стал столбом. Белёные его брови поползли вверх.

– Ты где её взял? – изумлённо спросил он.

– В по-оле, в по-оле! – закатилась девчонка. Андрей с Генкой молча смотрели друг на друга, потом дружно засмеялись.

– Ну, Евка, какого жениха себе отхватила, – весело заговорил Генка, – он ведь тебе не хухры-мухры! Аспирант, будущий учёный, во!

– А я только о нём и мечтала! А он и не узнал меня, во каков жених!

Проведя самый весёлый день в своей жизни, Андрей стал собираться на электричку.

– Куда это? – недоумённо спросил Генка. – Ты же хотел побыть ещё пару дней?

– Нет... – забормотал Андрей, – мне надо это... я вспомнил...

Генка посмотрел на него пронизательным взглядом и ничего не сказал, только прогудел: «Ну-ну!» В комнату вошла Евка с огромным пучком зелени.

– Ты уезжаешь? И я с тобой! Только соберусь. Я быстро!

– Нет-нет! – чуть ли не крикнул Андрей. – Я и так опаздываю!

Евка сделала было какое-то движение, но брат придержал её за руку:

– Не суетись. Завтра поедешь. И мне, кстати, надо в город съездить.

Андрей бросил на него благодарный взгляд и как пробка выскочил на улицу. «Дубина! Идиот!» – бранил он себя всю дорогу до платформы. Уже сидя в вагоне, он вспомнил растерянный взгляд девчонки и сказал себе: «Тоже мне – жених. А невеста – дурочка какая-то». И всё же лёгкая тень чего-то необычного, приятного ещё долго жила в его памяти...

Потом началась учёба, и он забыл это короткое и странное приключение. Но однажды, в начале октября, он столкнулся с Евкой у самого входа в свой подъезд. И не узнал бы её, если бы она сама не заговорила, верней, не засмеялась бы своим неподражаемо весёлым смехом.

– Ага! – сказала она и снова засмеялась. – Не ждал? А я караулю тебя уже вторую неделю!

– Меня? Зачем? – спросил Андрей и сам понял, как нелепо звучат его вопросы.

– Затем! Очень хотелось!

Евка была какая-то другая. Она была в курточке, в штанишках. Большой серо-голубой шарф дважды обвивал её шею, и концы его были завязаны под подбородком. Такой же серо-голубой берет крупной вязки, чудом держась на ма-

кушке, тяжёлым напуском ложился на пышный пучок золотисто-рыжеватых волос.

– Ну как? – спросила Евка лукаво. – Рассмотрел? Скажи – «картинка»? Разве нет?

– Картинка, правда, – чуть смущённо отозвался Андрей и тут же заторопился, начал набирать код своей квартиры.

– У тебя что, кто-то дома есть? – удивилась Евка. Похоже, она знала, что он живёт один. Андрей даже побагровел с досады. «Ну что же я за кретин!» – пронеслось у него в голове, а Евка, схватила его за руку, заглядывая в его глаза.

Андрей вырвал руку и решительно полез за ключом.

– Андрюша, Андрюша! запричитала испуганно Евка. – Ты вправду не рад, что мы встретились? – глаза её округлились, как у ребёнка, и ему показалось, что она сейчас заплачет. Ему хотелось сбежать, провалиться, исчезнуть. Но ничего этого делать было нельзя – он стоял, припёртый этой странной девчонкой, и только хлопал глазами, лихорадочно воображая, как разрядить обстановку. Евка улыбнулась сквозь слёзы, уже подступавшие к глазам, и тихо сказала:

– А я так хотела тебя увидеть, так хотела!

И вдруг всё это бешеное напряжение слетело с него, и он вздохнул глубоко, свободно. Евка мгновенно всё поняла и снова засмеялась своим искренним, детским смехом.

– А ты из института? Так поздно? – заговорила она как ни в чём не бывало.

– А я почти каждый день так поздно возвращаюсь, – также

непринуждённо ответил Андрей и сам удивился: чего это он так её испугался? Простая, хорошая девчонка. А она, мгновенно проникаясь каждым движением его души, тут же спросила:

– А к тебе в гости можно как-нибудь прийти?

– Можно, – неожиданно для себя согласился Андрей и тут же испугался. Но она не дала ему возможности сделать задний ход.

– А когда лучше? – спросила она живо. – Может, в субботу? Или лучше в воскресенье? – она смотрела на него так радостно, так открыто, что Андрею не хватило духа отказать ей.

– В воскресенье лучше, – пробормотал он.

– Так я приду? Часов в пять. Хорошо?

Он кивнул. Евка развернулась и побежала к своему подъезду. «Так я приду-у!» – донёсся её весёлый голос. Голубой помпон и голубой шарф задорно мелькнули – и дверь её подъезда захлопнулась. Андрей покрутил головой, пожал плечами и опять зачем-то набрал код своей квартиры...

В воскресенье он не находил себе места. Ругал себя всячески-сначала за то, что согласился, потом за то, что неизвестно почему трусит. «Мало того, что идиот последний, – громко кричал он сам себе, меряя комнату широким шагом, – так к тому же слюняй, мокрица какая-то!»

Звук звонка ошпарил его, как струя кипятка. Оказалось, уже пять с минутами. Его надежда, что Евка не придёт, за-

будет, не сбылась, и он обречённо пошёл открывать. Евка быстро глянула на него и решительно шагнула в прихожую.

– Я ненадолго, Андрюша, – сказала она, – папка просил помочь.

Она снова быстро глянула на него. А он смотрел на неё во все глаза.

Она опять была какая-то другая. Сиреневый плащик, чёрная, надвинутая почти на брови шапочка, и золотые волосы, свободно рассыпавшиеся по плечам. А главное – какая-то тихость в голосе, в глазах.

– Ты слышишь меня, Андрюша?

Он вздрогнул. Комок в горле разжался, и каким-то всё же чуть сильным голосом он сказал: «Проходи», – и смущённо закашлялся.

Евка медленно, чуть искоса глядя на него, вошла в комнату и огляделась.

– Сразу видно, что здесь живёт мужчина. И один, – сказала она.

– Почему? – удивился Андрей.

– Да как-то строго всё. И холодновато, – пояснила Евка. – Да, – прибавила она уже другим голосом, – я ведь сказала, что скоро уйду. Но если ты поставишь чайник, я с тобой чаю попью. Я ведь пирожков напекла.

– Пирожков? – невольно оживился Андрей. Пирожки были его слабостью. А так как мама уже второй год сидела в Вязниках со своим парализованным отцом, то печь их было

некому. Изредка, правда, дерзала Тайса. Но, пожалуй, лучше бы она и не дерзала: пироги у неё получались как из глины, и Андрей давился ими из чистой вежливости.

Евкины пирожки оказались очень вкусными, и, уминая их, Андрей забыл все свои страхи. Как будто их и не было. И вообще, с Евкой ему было легко.

– Ну, всё, мне пора, – вздохнула Евка.

– Как? Уже?

– Уже, – кивнула Евка и как бы между прочим спросила, – я зайду ещё как-нибудь? Можно?

– Конечно, заходи!

В прихожей Евка быстро натянула плащик, надвинула на брови шапочку и покрутила головой, от чего волосы свободной волной легли на плечи. Андрей молча, не отдавая себе отчёта, любовался её какой-то особой, лёгкой грацией. Улыбнувшись и сделав ручкой «пока», Евка быстро побежала вниз по лестнице, не воспользовавшись лифтом. Андрей стоял возле открытой двери, слушал затихающий стук её каблучков. В душе его поселилось тихое, уютное тепло...

Хитрющая же девочка эта Евка! Ни о чём её папа не просил, никуда она не спешила, но чисто женская интуиция подсказывала ей, что с Андрюшей не надо спешить, не надо «наваливаться» на него – всё должно быть непринуждённо. И действительно, когда дней через пять, увидев свет в его окошке, без всякого предупреждения она позвонила в его дверь, он открыл и сразу обрадовался. Но и на этот раз Евка не стала засиживаться.

– Вот, я принесла тебе цвет, – сказала она и разверну-

ла нечто, увязанное клетчатым платком. Это оказался пышный цветок в глянцевом обливном горшке. На фоне больших, сочных листьев там и тут виднелись крупные головки цветов нежно-розового цвета. Евка поставила его на окошко, раздвинув шторы. Окно сразу преобразилось.

– Нравится? – спросила она. – Это азалия. Правда хороша? Они бывают разного цвета, но мне больше всего нравится этот.

Андрей смотрел на азалию, на Евку – и думал, что она никогда бы не принесла ни герани, ни «ваньки мокрого», которого он помнил из-за смешного названия ещё с детства. Евка принесла цветок, похожий на неё: розовый, нежный и лёгкий при всей его пышности.

– Я пойду, – сказала Евка, – а пирожков принести как-нибудь?

* * *

Незаметно она заняла прочные позиции в Андрюшиной жизни. Она приходила по вечерам и даже убедила его, что, если ему надо, он может заниматься своими делами. С тех пор нередко Андрей работал на компьютере, а Евка или читала, или что-нибудь стряпала, или готовила уроки. Её присутствие никогда не было назойливым, она не требовала, чтобы Андрей развлекал её разговорами. Больше того: её присутствие согревало его одинокую квартиру, даже как буд-

то помогало ему работать.

Странная вещь: Евка ему очень нравилась, она была красивая девочка, она согревала его жизнь, но почему-то никаких плотских желаний у него не вызывала. То ли она была ещё очень невинна и он считал её ребёнком, то ли он сам был какой-то не такой, как надо, но его это даже не заботило. Всё было так естественно: и когда он читал, а она умащивалась у него на коленях, сворачиваясь как котёнок, и когда она, прощаясь в дверях, целовала его лёгким поцелуем... Евка стала частью его жизни, и он уже не мог представить свою жизнь без неё. Они давно уже решили пожениться и только ждали, когда Евка окончит школу – восемнадцать лет ей уже исполнилось в конце февраля...

– Знаешь, Евчик, какие у тебя глаза? – спросил однажды Андрей.

– Знаю, – тут же ответила Евка, – глупые.

Андрей удивился.

– Почему глупые? – спросил он.

– Так считают все у нас в классе.

– Все?!

– Ну, почти все. Знаешь, какая у меня кличка? Чека-чока!

– Это как? Что это значит? – недоумевал Андрей.

– Чеканутая, чокнутая – вот что! – Евка засмеялась. Андрей изумился. – Это после одного сочинения. Нам дали тему «Чего я хочу от жизни». А я написала, что хочу встретить человека, которого я полюблю. Хочу стать его женой, родить

ему мальчиков и девочек, и чтобы он меня любил. И чтобы я ему была нужна.

– Ну и что же во всём этого глупого? – не понял Андрей.

– Да ты что! – воскликнула Евка. – Ты бы слышал, как все веселились, когда Нюша наша прочла моё сочинение! Она еле их успокоила, так ржали, что урок чуть не сорвали.

– А ты?! – спросил с негодованием Андрей.

– А что я? Я и не сомневалась, что это им не понравится. Я ведь давно уже белая ворона! Класса с пятого поняла. А мне-то всё равно! Не они же будут жить мою жизнь, правда? Я сама живу. Живу, как мне нравится! – и Евка засмеялась.

Андрея поразила мысль, которую она так непринуждённо высказала. А он-то всегда страдал со своей мнительностью, всегда боялся, что он не такой, как надо. А на самом деле, кому надо – какой он?

– Ты редкостная умница, – сказал он и поцеловал Евку в нос.

– А глаза у тебя такие, как дети рисуют море: вот так чёрточка-у них это берег, – он провёл волнистую линию, затем нарисовал дугу и над ней лучики, – это у них солнышко восходит. А у тебя это верхнее веко и ресницы. В целом – форма лука.

Евка рассмотрела рисунок и подошла к зеркалу.

– А правда! – сказала она.

– Глаза замечательные, а ты – хитрушка: очень ловко скрываешь свой ум. Но я-то тебя давно раскусил! – и, рас-

смеявшись, он снова чмокнул Евку, на этот раз в завитки над тёплым ушком.

* * *

Расписались Андрей и Ева без всякой помпы в районном ЗАГСе. И устроили маленькую пирушку, междусобойчик, можно сказать. Были только Евкин отец Анатолий Павлович, его сестра Вера, строгая молчаливая женщина, которая решительно забрала к себе Костика, начавшего отбиваться от дома после смерти матери. (Теперь с Анатолием Павловичем оставалась одна шестнадцатилетняя Сашура – Евка уходила жить к мужу.) Был, конечно, Генка Курихман, сын Веры.

Гости разошлись поздно. Андрей, проводив их, вернулся в комнату. Евка стояла у окна, глаза её подозрительно округлились. Андрей подошёл и обнял её. Она дрожала. Глянув ей в глаза, он мягко сказал:

– Ты постой, я пока разберу постель.

Он разложил диван, стал стелить очень красивые простыни с цветной каймой, подаренные Верой, надевать наволочки, заправлять одеяло.

Евка всё это время стояла, не проронив ни слова. Но когда, закончив, он повернул к ней радостное лицо, она спросила жалким голосом:

– Андрюша, а где... где буду спать я?

Андрей опешил.

– Как где? – спросил он сдавленным голосом. – Где, вообще-то, должна спать жена?

Евка молчала. Лицо у неё было затравленное, глаза глядели виновато.

– Но я... я... – забормотала она и вдруг заплакала. Андрей испугался: он даже не предполагал, что она вообще умеет плакать.

– Ты что, Евчонок! Такой день! А ты ревёшь? – он сделал шаг к ней, но Евка тут же отскочила в угол.

– Андрюша, ты не думай, ты не обижайся, – заговорила она быстро, – я просто... не знаю, как это... но у нас так всё было хорошо! Я боюсь, боюсь, Андрюшенька, вдруг всё... испортится!

И она опять заплакала. Андрей молча выслушал эту тираду, в голове пронеслась страшная мысль: а может, Евка в самом деле чокнутая? Есть же такой диагноз – инфантилизм? Он отогнал эти мысли. Был момент, когда он смутно понял её, но жгучая обида заслонила всё.

С каменным лицом он пошёл в кладовку, принёс раскладушку, куцый матрасик. Застелил старую простыню, швырнул одну подушку с дивана и накрыл всё байковым одеялом.

– Я дома тоже спала на раскладушке, – робко проговорила Евка. Но Андрей даже не повернул головы. Молча снял брюки, стащил парадную рубашку и улёгся. Ноги его не помещались, и он согнул их в коленях.

– Андрюша, ну зачем ты! Ложись на диван, я лягу на рас-

кладушку!

Он молчал, накрывшись одеялом с головой.

Странная вещь! За полтора года самого тесного общения с Евкой, у него ни разу не возникло столь естественного в молодые годы желания. Он даже не думал об этом. А сейчас он чувствовал себя глубоко оскорблённым, по-мужска уязвлённым. Сильная боль разрывала его грудь, в голове метались самые отчаянные мысли: как он уедет завтра к матери, нет, лучше к Тайсе; как он молча соберёт вещи и выйдет, не глянув на неё, и прочая, столь же сладко-мучительная, чушь. Он слышал, как она устраивалась на диване, всхлипывая и что-то бормоча. Корила себя. Но упрямство не оставляло места сочувствию. В конце концов он устал страшно и не заметно для себя задремал. Проснувшись среди ночи от того, что заломило затёкшие ноги, он хотел сесть, но что-то мешало ему. Окончательно продрав глаза, он увидел в сереющем свете рассвета Евку. Она сидела на полу, сжавшись в комочек и положив руку на край раскладушки. Другая её рука пряталась под его подушкой. Краешек его покрывала она натянула себе на спину, но плечо, узенькое, с впадинкой вдоль косточки, было открыто. Она спала. Андрей осторожно повернулся и прикрыл голое плечо. Оно было ледяное. Острая жалость пронзила его: бедная дурочка всю ночь провела на коленках возле него. А он спал, как бугай! Да какая она дурочка! Она просто ребёнок, невинный ребёнок, несмотря на свои восемнадцать с половиной лет! Конечно, такая невинность в наши

разнузданные времена многим может показаться странной.
Недаром же её в школе не воспринимали.

«Андрей! Ты точно болван, идиот! Тебе повезло встретить такую девчонку, а ты со своими мужицкими амбициями даже не понял её столь естественного страха!»

Он сгрёб Евку в охапку вместе с одеялом и понёс на диван.

– Глупышка моя! – бормотал он, – вся, как сосулька, замёрзла. А я, старый дурак... Прости меня, глупый я, индюк самолюбивый!

Евка уткнулась в его грудь, её бил сильный озноб. «Сейчас, сейчас!» – бормотал Андрей, укутывая её одеялом и подтыкая его со всех сторон. Он побежал на кухню, быстро вскипятил чайник, налил в чашку, насыпал сахару и плеснул остатки недопитого вчера коньяка.

– Выпей это, Евчик, – попросил он, поднимая её и подерживая за спину.

– Я не хочу, Андрюша, – сипло сказала Евка.

– Да ты простудилась! Пей сейчас же! Ну! пей!

Евка покорно начала пить, поглядывая на него поверх чашки.

– Мне холодно, – так же сипло сказала она, с трудом допив чай.

– Я тебя сейчас согрею! – закричал Андрей и лёг под одеяло. Он был большой и тёплый. Никаких мыслей у него не было, кроме одной: отогреть, успокоить, утешить маленькую ледышку. Он просунул руку под её по-прежнему ледяное плечо, умастил её, такую маленькую, уютную, под мышку,

другой рукой стал массировать спину с острыми лопатками. «Крылышки! сейчас мы согреем крылышки», – шептал он.

Евка вдруг разжалась, как будто в ней лопнула пружина, расслабилась, помягчала.

– Андрюша, – зашептала она ему в грудь, – я думала, что всё кончено, что ты уже не будешь любить меня... я думала, что лучше умереть.

Слёзы хлынули из её глаз, сразу намочив ему майку, слёзы облегчения, слёзы жалости к себе.

– Глупышка! – прошептал Андрей, поворачивая её к себе лицом, – глупышка моя! Да разве я смог бы разлюбить такую дуручку, такую милочку!

Обхватив её спину обеими руками, он стал мелко, быстро целовать её мокрые глаза, щёки, виски и красный, припухший, как у зарёванного ребёнка, носик...

Два дня Евка была как-то особенно тиха и ласкова.

А на третье утра она сказала задумчиво:

– Так вот что значит: два будут в единую плоть.

Андрей не понял, о чем она говорит.

– Это в Библии написано о поженившихся людях: два будут в единую плоть. Я это теперь хорошо понимаю. Спасибо тебе, – и она поцеловала его.

– А ты что – Библию читала? – изумился Андрей.

– Когда у меня мама лежала, мне сказали читать.

– Кто сказал?

– У неё боли были сильные, и нам посоветовали позвать

священника. Священник пришёл, сделал, что положено. А когда уходил, велел мне Евангелие читать... только понемножку. Сказал, что ей легче будет терпеть. Ну я и читала ей. Маленькими кусочками... когда она соглашалась.

– И что?

– Да как будто неплохо. А то бы мама отказалась.

– И что – там эти слова? Ну, какие ты сказала о поженившихся?

– А, да, там. В каком-то послании. Я, вообще-то, Андрейка, не всё там понимала. Но эти слова меня так удивили, что я их перечитывала, пытаюсь понять. Но, конечно, не могла никак. Но они мне запомнились.

– А теперь ты их понимаешь?

– Да-а, – сказала Евка каким-то глубоким голосом, – теперь-то да-а! Видно, просто так их и не поймёшь. Надо было пережить их... А ты?

– И я, – Андрей ласково поцеловал её в нос, – и я понимаю. И ещё понимаю, какое сокровище мне послал твой Бог, Евчик! Он умный и добрый, твой Бог.

– Почему мой? – удивилась Евка. – Он всехний!

– Всехний! – засмеялся Андрей и снова чмокнул её в нос.

– А как же вы жили, когда твоя мама... когда её не стало? – спросил Андрей. Евка помолчала. Тень прошла по её лицу.

– Не хочешь, не говори, – быстро сказал Андрей, сразу почувствовав, что рана её ещё не зажила. Это было для него неожиданностью – ведь она никогда не показывала никакой

озабоченности, ни тени грусти.

– Нет, почему же, – задумчиво проговорила Евка, – ты ведь, наверное, думаешь, что я что-то вроде мотылька...

– Ничего я такого не думаю! – возмутился Андрей и тут же вспомнил свои мысли о ней во время их удивительной брачной ночи. Он слегка смутился.

– Вот, – сказала Евка, – просто мамочка моя меня всегда учила, что воспитанные люди не должны навязывать окружающим свои переживания, ходить с постной миной и тому подобное. Я к этому привыкла с детства. Ещё она терпеть не могла, когда я прибежала с улицы с рёвом и жаловалась на какую-нибудь Люську или Светку. «Ну что ж, – как-то сказала она мне, – если не умеешь общаться с девочками, сиди дома». Я с тех пор не жаловалась, терпела.

– Хорошая у тебя была мама, – вздохнул Андрей, – моя мама тут же шла разбираться, если меня кто-нибудь обижал. Я её просил, уговаривал! Меня «маменькиным сынком» дразнили.

– Всё равно ты хороший, – сказала Евка и вздохнула. – Когда мама умерла, мне было около пятнадцати лет, Сашурке – двенадцать, а братик вообще был малявка... так что я старшая стала. Папа ведь работал целыми днями. А я их кормила, обстирывала и вообще вместо мамы была. А ты, наверное, думал, что я тупая, что в седьмом классе два года просидела, да? – спросила Евка и засмеялась.

– Я вообще ничего об этом не думал. Мало ли? Может, ты

в школу поздно пошла.

– Нет, вовремя, – Евка опять помолчала, а потом решительно сказала, – просто папа запил!

Андрей сидел поражённый. Ничего себе, что девчонка пережила! Мать умерла, отец запил и на руках ещё двое!

– Как же ты, Евчик? – спросил он с какой-то робостью.

– Да он ничего! Тихий был. Просто напьётся и сидит полночи, глядя в одну точку. Ну, потом, конечно, стал работу пропускать. Уволили. Комиссия приходила, грозились нас отнять. Костик сразу в кладовку спрятался, думал, что тут же его заберут.

Евка невесело усмехнулась. Андрей никогда её не видел такой. «Какая же она сильная!» – с невольным уважением подумал он.

– А потом, потом-то что случилось?

– Ничего, – ответила Евка спокойно, – просто я однажды дождалась, когда отец проснётся, похмелится и придёт в себя. И тогда я ему сказала, без всякого скандала, но твёрдо, что если он немедленно не прекратит пить, я сама пойду, куда надо и попрошу, чтобы нас устроили в детдом.

– Ну-у! – восхищённо воскликнул Андрей.

– Да. Я ещё ему сказала, что он мужчина, а детей своих забросил и утешается. И даже не думает, каково нам – мамы нет, а папа пьёт. И что мама наша его, наверное, осуждает.

– Кру-уто! И что он?

– Что? Сначала сидел молча. Не смотрел на нас. А ребята

притихли, как мыши. Испугались. Потом отец спросил меня: «Дочка, ты вправду так сделаешь, как сказала?»

У меня сердце колотилось, но я виду не подавала. Гляжу ему прямо в глаза и говорю: «Правда, так и сделаю». Он посмотрел на меня, крутанул головой, вдруг хватить кепку – и из дома! Я заревела, всё, думаю, конец! И брат с сестрой прижались тоже, как начали голосить! Еле успокоила.

А часов в одиннадцать вечера отец пришёл, сел за стол как был, в кепке, в плаще, и молчит. А мы шевельнуться боимся. Потом сказал:

– Всё, дочка. Памятью матери вам обещаю-не буду пить. И с тех пор всё, ни граммчика!

Андрей молча смотрел на Евку, не в силах сказать хоть что-нибудь.

– Ты что, Андрюшка? – забеспокоилась Евка.

– Ничего. Просто я думаю: какой же я по сравнению с тобой пацан!

– Ну и неправильно! Никакой ты не пацан, просто все женщины рождаются мамками! – сказала Евка и сама засмеялась.

– Мамочка ты моя! Василиса Премудрая, – засмеялся в ответ Андрей и хотел обнять её, но Евка увернулась.

– Ужинать пора, – и пошла в кухню.

Первой увидела Евку Тайса, тётка Андрея. Она давно не была у племянника и решила его проведать. Сварив кастрюлю борща, купив дыню, она поднялась на лифте и стала доставать ключ. Но открыть им дверь не удалось: с той стороны в замок тоже был вставлен ключ. «Странно! – подумала Тайса. – Почему Андрюшка дома так рано? Может, он заболел?» – и она решительно нажала кнопку звонка. Евка открыла дверь. Перед ней стояла высокая смуглая женщина с тёмными волосами и такими же тёмными глазами. Её худое лицо выразило изумление, а глаза, сидящие близко к переносице, округлились и стали похожи на птичьи.

– Ты кто, девочка? Ты как тут? – спросила незнакомка.

– Я? – Евка растерялась. – Я Евка!

– Евка – это что, имя такое? – удивилась женщина.

– Ну да, имя!

– Ева, наверное, – догадалась женщина. Евка молча кивнула, разглядывая её – что-то знакомое было в её лице.

– Вы пройдите, – спохватилась она, – что же мы стоим в прихожей? – и она отступила, давая гостье пройти.

– Я-то пройду. А вот ты тут что делаешь?

Евкины брови поползли вверх, она недоумённо улыбнулась.

– Как что? – спросила она. – Я живу тут!

У женщины чуть приоткрылся рот, глаза ещё больше округлились.

– Как живёшь? Кто ты?! – выдохнула женщина.

– Я Андриюшина жена! – ответила Евка.

– Ты-ы-жена?! Побойся Бога, девочка! Тебе лет-то сколько? Есть ли хоть шестнадцать?

Евка засмеялась.

– Мне скоро уже девятнадцать! И я, правда, Андриюшина жена!

– Жена, – с тихим недоумением повторила женщина, – так он женился! И мать ничего не знает. Кошмар! – и она схватилась за голову.

– Я говорила Андриюше, что так нельзя. Нехорошо это. Но он и слышать не хотел! «Потом, потом расскажем!»

– Да, я его понимаю, – задумчиво проговорила гостя, – основания есть. И давно вы женаты? – быстро спросила она.

– Месяц. Второй! – порозовела Евка. – А вы знаете его маму?

– Как не знать! – усмехнулась женщина. – Чай сестрица родная!

– Ой, так вы тётка Андриюшина! Его любимая тётка! Я вас на фотографии видела!

– Ну, наконец-то познакомились. Меня зовут Тайса.

– Таисия Петровна? – радостно подхватила Евка.

– Да что уж тут! Просто Тайса. Таисия Петровна я на службе.

– Таисия Петровна...

– Тайса, – настойчиво прервала её Тайса. Евка засмеялась:

– Хорошо! Но можно я буду звать вас Таисочка?

– Так и быть, зови, – улыбнулась Тайса. Девочка ей всё больше нравилась.

– Пройдёмте, Таисочка, на кухню. Андрюша скоро придёт, он сегодня хотел дома поработать. А мне надо заправить борщ.

– Борщ! – изумилась вдруг Тайса. – Надо же, тоже борщ!

Евка смотрела на неё с недоверчивой улыбкой. Тайса распахнула сумку и вынула из неё трёхлитровую банку. Евка с недоумением уставилась на банку, и вдруг обе покатались со смеху. Они хохотали до слёз несколько минут, хватаясь за животы.

– Простите, – раздался внезапно Андрюшин голос, – это что здесь происходит?

Женщины глянули на него, и Евка крикнула:

– Борщ! Сплошной борщ! Купаться в нём будем! – и снова раздался неудержимый хохот.

Андрей был поражён. Он никогда не видел свою серьёзную тётку, объятой таким легкомысленным весельем. Когда он понял, в чём дело, тоже засмеялся. Не так, конечно, заливисто, но всё же...

– Ну, какой из борщей будем пробовать? – спросил он, делая строгое лицо.

– Евкин! Таисин! – одновременно закричали обе женщины и опять засмеялись.

– Нет, – сказала наконец Тайса, – я повариха так себе. И я хочу попробоватьстряпню молодой хозяйки.

После обеда, сидя на диване, Тайса спросила:

– Ты долго ещё будешь малодушествовать, сынок?

Андрей покраснел и ничего не ответил, только глянул на Евку.

– Чем больше пройдёт времени, тем громче будет скандал, ты же знаешь, – меланхолично произнесла Тайса.

– Неужели Александра Петровна такая ужасная женщина, что и сказать ей ни о чём нельзя? Не верю я что-то.

– Ты, Ева, прости меня, всё же ещё очень маленькая. Тебе трудно понять, что это такое: растить одной сына и потом отдать его другой женщине. Да ещё и узнать об этом, когда поезд давно ушёл! Вообще-то это оскорбительно, Андрюша. Не думала, что ты такой малодушный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.